

ДЖАТАКА О КОМОЧКЕ КАШИ

Никакое даяние, поданное от чистого сердца высокодостоинному лицу, не может быть малым, ибо велики его результаты. Вот как об этом назидательно повествуется. Наш Владыка еще в состоянии бодхисаттвы был царем племени кошала¹. Хоть поразительно блистали в нем великие добродетели царей - энергия, благоразумие, величие, могущество и многие другие, блеск одной из добродетелей - счастья дивного - превосходил все другие.

1. И добродетели его, украшенные дивным счастьем, сияли еще ярче, подобно месяца лучам, когда их красоту расцветит осень.

2. Сама богиня счастья Шри² предана была ему и проявляла гнев свой, как и милость, к другим царям, руководясь его к ним отношением: она покинула врагов его, хоть те и были горды, и наслаждалась счастьем среди подданных его, словно влюбленная.

3. Он весь проникнут праведностью был, и дух его не выносил страданий ближних; и подданных к нему любовь так расцвела, что счастье отвернулось от его врагов.

Однажды он вспомнил свое рождение, то, что непосредственно предшествовало настоящему. От этого воспоминанья пришел он в сильное волнение и с большим еще, чем прежде, рвением стал расточать свои даяния - причину и главнейшее основание счастья - шраманам³, брахманам, беднякам и нищим; непрерывно и с большою твердостью он соблюдал доброе поведение, а также воздержание и пост в дни новолуний. Стремясь поставить свой народ на путь спасенья тем, что еще выше поднимал значенье добрых дел, царь с глубоким убеждением по многу раз в собрании и в своих покоях повторял два полных глубокого значения стиха:

4. «Услуга, самая ничтожная, оказанная буддам⁴, всегда богатую, великую награду принесет. Об этом только говорилось раньше; теперь же можно в этом убедиться, взглянув на поразительно высокую награду лишь за комочек несоленой, грубой и сухой красновато-коричневой каши.

5. Моя могучая армия, с прекрасными конями, колесницами и темными свирепыми слонами, господство над землей, великие богатства, благосклонность богини счастья, су-прута благородная, взгляните - все это блеск полученной награды за комочек каши». Ни его министры, ни старейшие из брахманов, ни знатнейшие представители горожан, хотя сердца их и горели любопытством, не смели спросить его, что значили эти две строфы, которые столь часто говорил великий царь. Но вот сама царица проявила интерес к словам, которые царь многократно повторял. Она свободно выражала свои желанья, и потому, когда в беседе представился удобный случай, она обратилась к царю в приемном зале с таким вопросом:

6. «Ты постоянно, о людей владыка, так говоришь, как будто радости, что в сердце у тебя, даешь исход. От этих слов твоих мое все сердце любопытством полно.

7. И если мне возможно то услышать, скажи, что значит это восклицанье, государь? О тайне ты не стал бы говорить открыто, и потому я обращаю свой вопрос к тебе».

Царь бросил на царицу взгляд, полный нежной любви, и с лицом, расцветшим от улыбки, сказал ей так:

8. «Услышав восклицание мое, значения его не понимая, не только лишь твое от любопытства взволновалось сердце.

9. Министров всех моих, весь город и гарем, всех тех, кто так волнуется и мучится от любопытства, сейчас я успокою тем, что расскажу.

10. Я, словно после сна проснувшись, припоминаю жизнь свою в рожденье прежнем, когда я был вот в этом самом городе простым слугой. Хоть отличался я прекрасным поведением, однако свой насущный хлеб я зарабатывал трудом тяжелым, я нанимался на работу к тем, кто был возвышен лишь своим богатством.

11. Однажды я готов был приступить к своей работе подневольной, что доставляла столько унижений, труда тяжелого и горестей; стремление поддержать [свою семью], боязнь лишиться средств к существованию меня к ней гнали; вдруг увидел я просящих милостыню четырех монахов, свои все страсти обуздавших, словно сопровождаемых святою благодатью.

12. И с сердцем, верою смягченным, я поклонился им; в свой дом их пригласил и угостил комочком только каши. Росток [даянья этого] поднялся так высоко, что всех других царей короны находятся у ног моих, в пыли.

13. Вот почему, об этом размышляя, так, о царица, говорю. И удовлетворенье нахожу я в совершенье добрых дел и в лицезрении архатов⁵».

Глаза царицы широко раскрылись от удивленья и высокой радости, и, с глубочайшим почтением подняв свой взор к царю, она промолвила: «О как прекрасна, сколь высока награда эта за добрые дела! Вот почему великий государь, являясь свидетелем того, как награждаются подобные заслуги, всем сердцем стремится к добрым делам. По этой-то причине ты отвращаешься от зла и стремишься править своим народом справедливо, как отец; ты направил свои все помыслы на свершение множества добрых дел.

14. Сияешь блеском дивной славы ты, что милосердием твоим взлелеяна, и враги твои, почтительно склонившись, ждут приказаний. Храни же много лет своим правленьем справедливым ты землю всю до берегов далеких океана, вздымаемого ветром!».

Царь сказал:

«Почему бы этому не быть, о царица?»

15. Я сам стремиться буду впредь идти тропой спасенья, которая прекрасными путеводительными знаками отмечена. И мир, узнав награду за даяния благие, дары захочет расточать. "Зачем я буду все давать?" - никто тогда не скажет!» Тут царь, с любовью глядя на царицу, сияющую красую, как богиня, почувствовал в своей душе желанье узнать причину столь дивной красоты и снова обратился к ней:

16. «Как серп луны средь звезд, ты блещешь среди женщин; какой же подвиг совершила ты, прекрасная? За что дана тебе столь дивная награда?».

Царица сказала: «Да, государь, я также вспоминаю кое-что из прежнего моего рожденья».- «О, расскажи об этом!» - теперь почтительно обратился к ней царь, и она в ответ на эту просьбу сказала:

17. «Как будто в детстве то пережила я, вспоминаю, что я была рабыней и однажды с почтением глубоким отдала остаток пищи муну, изгнавшему свои все страсти; и словно там уснула я, а пробудившись, оказалась здесь.

18. Так вспоминаю я, о государь, то счастье, которое меня, со всей землею вместе, под покровительство твое смогло привести. Ты говорил нам: "Что бы мы ни сделали для тех, кто одолел свои все страсти, ничто не может быть ничтожным". И так же говорил тот муну».

Тут царь, увидев, как в силу этого свидетельства высокой награды за добродетели все собрание, глубоко умиленное, прониклось великим изумленьем и глубочайшим почтением к заслугам, приобретаемым добрыми делами, стал учить закону правды и молвил примерно такие слова:

19. «Кто, видя блеск такой, величие награды за незначительные даже, но прекрасные дела, не стал бы сам стремиться к подвигам благим хорошим поведением и щедрости делами? И взгляда не достоин человек, даже богатство приобретший, чей ум окутан тьмою жадности печальной, кто не достигнет славы милосердия делами!

20. С богатством ведь помимо нашей воли, расстаться должен каждый безо всякой пользы, а если, расставаясь с ним достойным образом, тем самым можно добродетелей достичь, то кто, познавши сладость их, путь себялюбия избрать способен? Ведь добродетели, основанные на даянии, несут нам радость, и их сопровождает слава.

21. Даяние ведь есть великое сокровище, которое сопровождает нас, и в то же время недоступно для воров и прочих⁷; даяние есть очищение души от тьмы пороков себялюбия и жадности; даяние прекрасная есть колесница, которая избавит нас от тягости пути перерождений вечных; даяние есть самый близкий добрый друг, что нам стремится уготовить многие улады.

22. Великие богатства, блеск высокой царской власти и жительство во граде богов и тела красота чудесная - все, чего ни пожелаешь, всего достигнуть можешь при помощи даяний. Кто, поразмыслив так, не станет подаянья расточать?

23. Даяние, как говорят, есть извлечение пользы из богатств:

даяние - величия основа; даяние есть подвиг благородства и, если простодушный горсть песку подаст, и то есть дар благой!»⁸.

Тогда присутствующие, радостно приветствовав эту с большим почтением прослушанную, захватывающую речь царя, преисполнились стремленья к проявлению щедрости.

Таким-то образом «никакое даяние, поданное от чистого сердца высокодостойному лицу, не может быть малым, ибо велики его результаты». [И тот, кто с чистым сердцем дает дар духовной общине, наиболее благоприятствующей накоплению святых заслуг, тот будет преисполнен радостью при мысли: «И от меня уж недалеко подобное и даже более высокое блаженство!».]

Примечания:

1. Кошала - название древнего народа и области в среднем течении Ганга (Сев. Кошала) и между нижним течением Джамны и верхним течением реки Маханади (Юж. Кошала).

2 Шри - одно из имен богини счастья и красоты Лакшми.

3 Шрамана - религиозный аскет небрахманского толка, чаще всего буддийский монах, живущий подаянием, олицетворение праведности и умиротворенности.

4 «...Услуга, оказанная буддам...» - в данном случае имеются ввиду все будды и буддийские монахи вообще.

5 Архат - человек, достигший нирваны, состояния, позволяющего прервать цепь сансары.

6 «...Изгнавшему свои все страсти...» - асрава - дурное влияние, греховное желание, заблуждение, привязывающее человека к цепи перерождений. Существует четыре вида асрав; камасрава - дурное влияние чувственности, бхавасрава - асрава существования, повторных рождений, диртиясрава - асрава ложных взглядов и авидья-срава - асрава незнания, невежества. Уничтожение асрав является непременным условием достижения состояния архата.

7 «... Для воров и прочих...» - причиной исчезновения, гибели богатства являются воров, огонь, вода и царь.

8 Эта строфа содержит намек на известную легенду об императоре Ашоке, который в одном из своих рождений, будучи еще мальчиком, подал Будде от всего сердца горсть песка в качестве подаяния. За это в одном из следующих рождений он стал могущественным императором.